

ГЛАВА 6
**«БОГАТО ОДАРЕННЫЙ, НЕ РАСЦВЕЛ
ОН, НЕ ПРИНЕС ПЛОДА...»
ВЛАДИМИР МИТРОФАНОВИЧ
ПУРИШКЕВИЧ (1870–1920)**

Личность основателя и руководителя одной из крупнейших черносотенных организаций – Русского Народного Союза имени Михаила Архангела – Владимира Митрофановича Пуришкевича (1870–1920) стоит особняком среди прочих руководителей черносотенного движения. Это объясняется в первую очередь крайней степенью противоречивости Пуришкевича, сложностью его фигуры, неоднозначностью ее оценки современными исследователями правомонархического движения.

Широкая известность к В. М. Пуришкевичу пришла еще в 1910-е годы, когда он был избран депутатом Государственной думы. Его имя не сходило со страниц тогдашней периодической печати, часто обрастая разного рода слухами и сплетнями. Как справедливо отмечает современный исследователь правомонархического движения А. А. Иванов, едва ли какой-либо депутат Государственной думы начала XX в. (за исключением разве что А. Ф. Керенского и В. В. Шульгина) мог похвастаться столь широкой известностью¹.

Тем не менее следует отметить, что, несмотря на частое упоминание имени Пуришкевича как в научной, так и в художественной литературе, а равно в отечественном и зарубеж-

¹ Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. М.–СПб., 2011. С. 3–4.

ном кинематографе, тем не менее до сих пор не было ни одной цельной биографической книги, посвященной этому правому политику, если не считать, конечно, крайне тенденциозную по содержанию брошюру журналиста С. Б. Любоша «Русский фашист Владимир Пуришкевич»¹.

Такое положение вещей легко объяснимо. Известно, что на протяжении многих десятилетий на изучение тем, связанных с существованием правомонархических организаций, по идеологическим причинам было наложено негласное табу. Пуришкевича, как и других черносотенцев, в советской и западной либеральной исторической науке клеймили как «погромщика», «мракобеса», «предтечу фашизма» и пр. И только в 1990–2000-е гг. в постсоветской России появились определенные условия для всестороннего изучения деятельности правых политиков начала XX века.

За последние годы историками было сделано достаточно много для того, чтобы восполнить эти существенные пробелы. Можно особо отметить, к примеру, сборник «Воинство святого Георгия», вышедший в издательстве «Царское дело» в 2006 году, историческую энциклопедию «Черная сотня», вышедшую в издательстве «Институт русской цивилизации» в 2008 году², и ряд других работ.

Наконец, существенным прорывом в деле изучения жизни и деятельности В. М. Пуришкевича стала книга петербургского историка, кандидата исторических наук Андрея Александровича Иванова «Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика», которая вышла в свет в издательстве «Альянс-Архео» в 2011 году³. Эта работа, полностью посвященная Пуришкевичу, есть не что иное, как наиболее полная документальная биография правого политика.

¹ Любош С. Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925.

² Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. Сост. и ред. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. СПб., 2006. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. М., 2008.

³ Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. М.–СПб., 2011.

Следует отметить, что в книге А. А. Иванова, по сути дела, впервые в историографии делается попытка написания биографии правого политического деятеля. Действительно, в настоящее время активно переиздаются сочинения многих правых политиков начала прошлого века, и одно перечисление этих книг заняло бы значительное место на страницах этой книги¹, однако до сей поры не было ни одной серьезной научной работы, посвященной исключительно жизни и деятельности кого-либо из правых. По сути дела, А. А. Иванов стал пионером в становлении биографики русских монархистов на достойном, самом высоком научном уровне. И учитывая уже одно только это обстоятельство, можно с уверенностью говорить о значительной научной новизне данного исследования.

Однако обратимся к биографии Владимира Митрофановича Пуришкевича. Родился он 12 августа 1870 года в Кишиневе. Отметим, что в новейшем исследовании А. А. Иванова автору удалось существенным образом, опираясь на научные данные, скорректировать представления о предках Пуришкевича. До сих пор в научной среде бытовало мнение о преобладании молдавских корней в родословной Владимира Митрофановича. Используя архивные данные, А. А. Иванов смог установить, что по отцу предками Пуришкевича были малороссы (то есть, по нынешней терминологии, украинцы), а по материнской линии – поляки. Никаких данных о молдавских предках политика исследователем обнаружено не было. Правда, полагает историк В. Ю. Рылов, молдавские корни у Пуришкевича все же, скорее всего, были – а именно со стороны его бабки (жены основателя дворянского рода протоиерея В. В. Пуришкевича)².

¹ Назовем хотя бы некоторые из них. Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008; Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские! / Сост., предисл. и коммент. А. Д. Степанова. М., 2008; Пасхалов К. Н. Русский вопрос. / Сост., предисл. и примеч. Д. И. Стогова. М., 2009.

² Подробнее см.: Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. С. 13–17; Рылов В. Ю. Владимир Пуришкевич – несостоявшийся Ленин «справа» // Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2011/03/26/vladimir_purishkevich_nesostoyavshijsya_lenin_sprava/.

Владимир Митрофанович Пуришкевич был человеком дворянского происхождения, сыном крупного землевладельца. Его отец, М. В. Пуришкевич (1837 или 1839–1915), был действительным статским советником, судебным следователем, судьей, гласным Бессарабского губернского земства. Мать – Л. В. Джуминская (1845 – не ранее 1918) – происходила из польской семьи, была дочерью предводителя дворянства Аккерманского уезда.

Владимир Митрофанович окончил Первую кишиневскую гимназию с золотой медалью и буквально с детства стал проявлять значительный интерес к античной истории. Это обстоятельство и определило дальнейший шаг в жизни Пуришкевича. Он поступил на классическое отделение историко-филологического факультета Новороссийского университета (г. Одесса), которое весьма успешно закончил в 1895 году. Затем Пуришкевич некоторое время состоял сверхштатным учителем Четвертой одесской гимназии. Также Владимир Митрофанович являлся членом Историко-филологического общества при Новороссийском университете.

Затем начинается государственная служба Владимира Митрофановича. Отметим, что это один из важнейших этапов его жизни, который во многом определил его дальнейшую партийную и общественную деятельность.

В литературе нередко можно встретить мнение о том, что Пуришкевич как чиновник был лишь «бездарным выскочкой, поощряемым лишь за верность Престолу»¹. Одним из создателей соответствующего мифа стал недоброжелатель Владимира Митрофановича князь С. Д. Урусов, служивший одно время бессарабским губернатором и опубликовавший в 1907 г. свои «Записки губернатора»². Впоследствии такой взгляд на Пуришкевича-чиновника взяли на вооружение, как отмечает исследователь А. А. Иванов, «некоторые историки»³.

---

¹ Подробнее об этом см.: Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. С. 399.

² Урусов С. Д. Записки губернатора. М., 1907.

³ Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. С. 399.

На самом же деле Пуришкевич проявил себя на государственной службе как талантливый администратор. Так, в 1897–1900 гг. он занимал пост председателя Аккерманской уездной земской управы, и, в частности, известно, что в 1899 году, во время голода, именно он организовал для крестьян сбор пожертвований, общественные работы, бесплатные столовые и ясли для крестьянских детей.

В 1895 году Пуришкевич становится почетным мировым судьей; кроме того, он также был и почетным попечителем аккерманской гимназии. В 1900 году Владимир Митрофанович переехал в Петербург, где поначалу служил младшим ревизором в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел, а затем – в страховом комитете того же министерства. Позже Пуришкевич служил помощником столоначальника, коллежским асессором (1902 г.). В 1904 году, в чине надворного советника, он стал сверхштатным чиновником по особым поручениям при министерстве (министр В. К. Плеве). С 1905 г. – коллежский советник; в мае–декабре того же года Пуришкевич служил в Главном управлении по делам печати, формально был уволен со службы в августе 1907 года. Кроме того, Пуришкевич в 1905–1911 годах состоял депутатом дворянства Аккерманского уезда; также он был гласным Аккерманского уездного и Бессарабского губернского земств.

Царский Манифест 17 октября 1905 года Пуришкевич в целом воспринял положительно, в отличие от многих других правых, которые воспринимали этот акт с тревогой за дальнейшую судьбу монархии. По мнению же Пуришкевича, народное представительство сумеет преодолеть созданное чиновниками-бюрократами «средостение» между Императором и народом. После этого он попытался баллотироваться в Первую Государственную думу как «убежденный член бессарабской партии центра». В ходе избирательной кампании правый политик характеризовал себя как «убежденный и самый страстный националист». Он подчеркивал при этом, что «только русский человек имеет право распоряжаться бу-

душими судьбами своей родины»¹. Среди многочисленных пунктов предвыборной программы Пуришкевича можно выделить следующие: борьба за народное образование и за русскую школу; защита русской промышленности, торговли и кустарных промыслов; отстаивание аграрного характера России; содействие развитию сельского хозяйства в стране путем развития переселенческого движения, а также улучшения землепользования; борьба с левой печатью; поднятие благосостояния народа в целом; использование смертной казни для умиротворения революционного террористического движения в стране и успокоения общества².

Особо следует отметить факты, связанные с активным участием Пуришкевича в деятельности черносотенного движения. Так, уже в 1901 году он вступил в Русское собрание, а в период с конца 1905 по 1913 гг. был членом Совета этой организации. С мая 1906 года Пуришкевич состоял в рядах крупнейшей правомонархической организации – Союза Русского Народа. Он являлся товарищем (заместителем) председателя Главного Совета СРН и председателем Аккерманского отдела СРН. В это же время ему было поручено редактировать еженедельное приложение к газете СРН «Русское знамя».

Вот как весьма красноречиво писал впоследствии об этой деятельности основатель и лидер Союза Русского Народа А. И. Дубровин: «С вступлением Пуришкевича закипела новая, иная работа, и явилось новое направление в Союзе – бюрократический деспотизм – “чего моя нога хочет”. Располагая весьма солидными суммами, Влад<имир> Митроф<анович> не нуждался в тех скромных поступлениях на Союз, которыми Союз существовал до него. Напротив, он рассылал по Отделам денежные пособия (что в “Р<усском> Зна<ени>” своевременно опубликовывалось);

¹ См.: Иванов А. А. Пуришкевич Владимир Митрофанович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века / Ответственный редактор В. В. Шелохаев, ответственный секретарь А. В. Репников. М.: РОССПЭН, 2010. С. 388; Друг. 1905. 4 ноября.

² Иванов А. А. Пуришкевич Владимир Митрофанович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. С. 388.

бесплатно шли ежедневно возами воззвания, брошюры и тысячи номеров “Р<усского> Знамен<ени>”; открывались чайные-читальни, отправлялись по провинции ораторы и ревизоры. Убогая обстановка Главного Совета была заменена новой шикарной – венской. Одним словом, все кипело ключом, но только за деньги. Быстро стали исчезать прежние идейные работники, и на их место явилась масса желающих что-нибудь получить. А таких в то время было немало. Проклятое время породило толпы голодных безработных, и интеллигентов, и простых тружеников, – все искало себе около Союза поддержки, ждало подачки; все увивалось около Пуришкевича и жадно, заискивающе смотрело ему в глаза. Как тут не закружиться голове и не зарваться? И Пуришкевич шел полным аллюром до 1907 года»¹.

В своей монографии, посвященной Пуришкевичу, А. А. Иванов привлек массу ранее не использовавшихся исследователями исторических фактов, свидетельствующих о борьбе за лидерство в Союзе между его председателем А. И. Дубровиным и товарищем председателя Пуришкевичем. Особо подчеркнем, что первый раскол в СРН, вылившийся в итоге в образование в начале 1908 г. Русского Народного Союза Михаила Архангела (РНСМА), имел главной своей причиной личный конфликт между Дубровиным и Пуришкевичем. С другой стороны, и политические расхождения между руководителями Союза, связанные по преимуществу с отношением к третьиуньской Государственной думе и к политике П. А. Столыпина (взгляд на необходимость разрушения крестьянской общины и пр.), сыграли в провоцировании этого раскола немалую роль. Пуришкевич, в отличие от Дубровина и его сторонников, считал столыпинскую аграрную реформу (прежде всего это касается разрушения общины и переселенческой политики) и другие преобразования Столыпина благотворными и всецело их приветствовал.

Традиционно деятельность Пуришкевича (как, впрочем, и других черносотенцев) ассоциируется в сознании обывате-

¹ Куда временщики ведут Союз Русского Народа. СПб., 1910. С. 16.

ля с «пещерным зоологическим антисемитизмом», с якобы имевшей место организацией страшных по своей жестокости еврейских погромов. К формированию мифа о погромах приложили руки как советские, так и зарубежные историки¹. Отметим, что, действительно, Пуришкевич постоянно пытался продемонстрировать свою неприязнь к «жидам» и, таким образом, проявлял свои антиеврейские воззрения. Так, даже в 1917 году, уже при аресте большевиками, Владимир Митрофанович, согласно интервью комиссара Военно-революционного комитета М. К. Янковского петроградской газете «Новая жизнь», сказал буквально следующее: «У меня два принципа, и хоть убейте, – не откажусь от них: я монархист и ненавижу жидов»².

С другой стороны, многочисленные факты свидетельствуют, что Владимир Митрофанович был скорее, выражаясь терминологией известного политического деятеля начала XX века, националиста В. В. Шульгина³, антисемитом политическим, но отнюдь не расовым. К примеру, в том же 1917 году Пуришкевич при встрече с редактором «Таврического голоса» доктором Д. С. Пасмаником назвал последнего «евреем, перед которым он преклоняется»⁴. Подобного рода примеров множество. Пуришкевич всегда оставался политиком-прагматиком, и его принципиальность в отноше-

---

¹ Одной из самых нелепых по своему содержанию и безапелляционных книг на сей счет является опус американского историка еврейского происхождения У. Лакера «Черная сотня. Происхождение русского фашизма», переведенная на русский язык и опубликованная в России в 1994 г. (Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма / Пер. с англ. В. Меникера. М., 1994). Отметим, что либеральные и левые политики еще с самого начала XX века систематически обвиняли черносотенцев в организации еврейских погромов. Вместе с тем, впоследствии многие серьезные исследователи, в частности Ю. И. Кирьянов пришли к выводу, что эта травля черносотенцев со стороны либеральных и левых политиков не имела под собой никаких оснований (Кирьянов Ю. И. Русское собрание. 1900–1917. М., 2003. С. 146).

² Новая жизнь. 1917. 11 (24) ноября.

³ Шульгин В. В. «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 8.

⁴ Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. Париж, 1926. С. 140.

нии к еврейству как к таковому вообще уступала место политическим реалиям и дифференцированному отношению к конкретным представителям еврейского народа.

В 1907 году начинается депутатская карьера Пуришкевича. Он был избран депутатом Второй (а затем Третьей и Четвертой) Государственной думы. Кроме того, Владимир Митрофанович был членом Совета старшин Клуба умеренных и правых партий (1907 г.). В источниках, а впоследствии и в исторической литературе, как в научной, так и в художественной, а также в кинематографе сложилось традиционное представление о Пуришкевиче – депутате Государственной думы – как о «профессиональном скандалисте». И действительно, сам депутат давал множество поводов для появления такой характеристики. Так, член Четвертой Государственной думы профессор М. М. Новиков писал о Пуришкевиче: «Популярность он приобрел главным образом всевозможными репликами с места и другими выходками, иногда остроумными, а подчас грубыми и неприличными»¹. А Я. В. Глинка, прослуживший одиннадцать лет в Думе в качестве начальника одной из канцелярий и хорошо знавший лидера РНСМА, писал о нем буквально следующее: «Он не задумается с кафедры бросить стакан с водой в голову Милюкова. Необузданный в словах, за что нередко был исключаем из заседаний, он не подчинялся председателю и требовал вывода себя силой. Когда охрана Таврического дворца являлась, он садился на плечи охранников, скрестивши руки, и в этом кортеже выезжал из зала заседаний»². И таких примеров нам известно немало.

Однако, по словам исследователя А. А. Иванова, скандал не был для Пуришкевича самоцелью, а скорее использовался как последний и самый радикальный способ воздействия на ситуацию. К тому же скандальное поведение способствова-

¹ Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 183.

² Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 51.

ло желанию политика получить «всемирную известность и своеобразные симпатии избирателя»¹.

Правый политик чутко реагировал на все вызовы времени. И действительно, спектр общественной и политической деятельности В. М. Пуришкевича был необычайно широк. Это и создание спортивных обществ, студенческих объединений, попытка использования зарождавшейся в те годы киноиндустрии в монархических целях; затем, в годы Первой мировой войны, – работа военно-санитарного поезда, создание «Общества русской государственной карты после победоносной войны» (ОРГК) и многое другое.

Хотелось бы в этой связи остановиться подробнее на двух сюжетах – на работе военно-санитарного поезда и на деятельности Общества государственной карты. Лидер Союза Михаила Архангела еще в самом начале войны, в начале сентября 1914 г., поступил в распоряжение Красного Креста и выехал на театр военных действий в составе санитарного отряда А. И. Гучкова, демонстративно при этом заявив, что с началом военных действий все политические противоречия отброшены. Помимо этого Пуришкевич объявил, что Главная палата Союза прекращает на время войны всякую политическую деятельность и передает свое помещение под лазарет для раненых воинов². Позже он организовал свой собственный санитарный поезд, в котором вместе с ним работали его жена Анна Николаевна и двое сыновей, Всеволод и Вадим, воспитанники младших курсов Училища правоведения. 10 ноября 1914 г. во главе этого поезда Пуришкевич выехал на фронт³.

Сохранилось множество документов, связанных с работой военно-санитарного поезда В. М. Пуришкевича. Так, к примеру, в Государственном архиве Российской Федерации, в

---

¹ Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. С. 400.

² Иванов А. А. Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). СПб., 2006. С. 55.

³ Земщина. 1914. 21 ноября.

фонде Союза Михаила Архангела, хранятся циркуляры главногополномоченного и особоуполномоченного Общества Красного Креста, датированные 1916 годом. Эти документы, касающиеся поезда № 17 уполномоченного В. М. Пуришкевича, включают в себя: медицинские и гигиенические требования в связи с распространением в действующей армии цинги (23 мая 1916 г.)¹; просьбы к Пуришкевичу предоставить сведения о поступающих в лазарет цинготных больных (27 мая 1916 г.)²; просьбы предоставить сведения о прибывающих и убывающих в лазарет (14 июня 1916 г.)³; сообщение о командировании профессора Лаврова на фронт с целью производства опытов борьбы с удушливым газом (7 июня 1916 г.)⁴; сообщение о проведении прививок среди солдат⁵ и др.

Поезд Пуришкевича испытал на себе все тяготы военной жизни. Так, в военно-санитарных поездах, как и вообще в действующей армии, в связи с ухудшением положения на фронте к 1916 г. стали четко определяться нормы потребления продуктов. В частности, на основании приказа главного начальника снабжения армий Северного фронта от 20 февраля 1916 г. за № 131 отпуск продуктов должен был производиться не больше, чем из расчета на три дня; сухари, галеты, мясные и овощные консервы отпуску не подлежали; на основании приказа главного начальника снабжения армий Северного фронта за № 234 вместо сахара-рафинада, овса, сала, вермишели временно могли отпускаться только сахарный песок, ячмень, масло и крупа. Скот же мог быть отпущен лишь в крайности, в случае избытка в частях⁶.

Работавшие в поезде Пуришкевича сотрудники не только оказывали помощь раненым воинам и осуществляли их эвакуацию, но и доставляли теплые вещи, а также пищу на

¹ ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 697. Л. 2–2 об.

² Там же. Л. 3–3 об.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 11.

передовую. Пуришкевич, как и другие правые, устраивал питательные пункты, лавки для военнослужащих и беженцев, а также и для местного населения, сильно страдавшего вследствие военных действий. В поезде имелись аптечные вагоны, вагоны-лавки, так называемые «питательные вагоны», вагоны-бани и вагоны-читальни. Существовал также вагон-церковь, в котором совершались богослужения.

Отметим, что так называемые «даровые библиотеки» (вагоны-читальни) для воинских чинов, создававшиеся Пуришкевичем при его санитарном поезде, финансировались из секретного фонда Министерства внутренних дел. Известно, что в декабре 1915 г. товарищ министра В. Ф. Джунковский выделил Пуришкевичу на эти цели 10 000 рублей¹. В «даровых библиотеках» преобладала литература черносотенного содержания, в том числе и по еврейскому вопросу².

Существует множество свидетельств о работе военно-санитарного поезда. В частности, корреспондент «Нового времени» восторженно отзывался о работе поезда В. М. Пуришкевича. По словам журналиста, организация и техническая оснащенность поезда была отличной, так что этот поезд, чуть ли не единственный в своем роде, оказывал реальную помощь раненым на передовых позициях в первый год войны³.

Отметим, что даже такой автор, как С. Любош, написавший в 1920-х гг. весьма тенденциозную книгу о деятельности Пуришкевича, называя его «русским фашистом», отмечал, что его санитарный поезд «был одним из лучших и приносил много облегчения тем войсковым частям, к которым он попадал»⁴.

Вообще фигура В. М. Пуришкевича, безусловно, – одна из самых ярких среди лидеров правых. В архивных фондах Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына нам удалось найти интересное, ранее нигде не публиковавшееся свидетельство о лидере РНСМА известного публициста Ю. С. Карцова, лично

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 646. Л. 27–28.

² См.: Иванов А. А. Последние защитники монархии. С. 61.

³ Новое время. 1915. 27 января.

⁴ Любош С. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925. С. 44.

знавшего Пуришкевича: «Касательно Пуришкевича <...> осталось подвести итог и произнести окончательное суждение. Богато одаренный, не расцвел он, не принес плода, и воспоминание о нем неразрывно у меня связано с чувством глубокого разочарования. <...> Стойкостью убеждений он не отличался и гнулся на обе стороны: перед властью и перед общественным мнением. Деятельность его была шутивая, поверхностна и бесплодна. России он не спас, а, наоборот, толкнул ее в пропасть»¹.

Впрочем, следует отметить, что столь жесткую характеристику Пуришкевича со стороны Карцова можно объяснить и несовпадением их политических взглядов. Так, Карцов утверждает, что Пуришкевич требовал от него подписаться под циркуляром против другого активного члена РНСМА присяжного поверенного П. Ф. Булацеля, который, в противовес Пуришкевичу, выступил с антианглийским заявлением, но Карцов отказался это сделать. Англофильская позиция Пуришкевича соседствовала с крайне выраженным волюнтаризмом. Так, согласно Карцову, лидер РНСМА предложил ему и другим соратникам составить перечень территорий, которые должна потребовать Россия после окончания Первой мировой войны, но Карцов отказался сделать это. Такая позиция Карцова привела в итоге к его выходу из Союза Михаила Архангела².

Вернемся к военно-санитарному поезду Пуришкевича. Он проработал примерно три с половиной года. За это время поезд побывал в расположении войск генералов В. И. Гурко, П. И. Мищенко, С. М. Шайдемана, В. М. Безобразова, А. Я. Драгомирова и других³. Отметим, что, по данным на 1916 г., в головном отряде Красного Креста, который возглавлял Пуришкевич, состояло на различных пунктах 89 человек⁴. В разное время в его состав входили и другие видные правые – А. М. Синицын, С. В. Левашев и др.

¹ Архив Дома Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына (ДРЗ). Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 259–260, 313.

² Там же. Л. 312.

³ Иванов А. А. Последние защитники монархии. С. 58.

⁴ ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 702. Л. 8–10.

Также лидер РНСМА систематически читал лекции по России, а вырученные от чтения этих лекций деньги шли на снабжение русских воинов книгами. Сам Пуришкевич сообщал в отчете, который предоставил Государственной думе, что на начало 1917 г. им было роздано более одного миллиона книг для солдат и около ста тысяч для офицеров на сумму до 100 тысяч рублей¹.

Кроме того, в годы войны Пуришкевич издавал сборники «Солдатских песен» собственного сочинения. Имеются сведения о том, что на своем думском ящике, куда опускалась корреспонденция, лидер РНСМА разместил записку:

«Предпочитая слово делу,
Я покидаю Петроград:
Здесь в Думе только говорят,
А это мне осточертело!»²

Этим же четверостишием Пуришкевич оформил и прошение о своем отпуске.

Полученные средства от деятельности Пуришкевича также шли на нужды военно-санитарного дела³. Император Николай II в 1916 г. посетил военно-санитарный поезд Пуришкевича и, осмотрев его, заявил: «Удивительная энергия и замечательный организатор!»⁴ В дневнике Николая II также содержится, правда, куда менее восторженное, упоминание об этом посещении (запись от 29 мая 1916 г., воскресенье, Троицын день): «После завтрака поехал с Алексеем <Сын Императора Цесаревич Алексей Николаевич. – Д. С.> на станцию; видел эшелон Куринского полка и два вагона Пуришкевича – пох<одная> би-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 646. Л. 27–28; Новое время. 1917. 17 (30) марта.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 646. Л. 17; Новое время. 1916. 25 февраля (9 марта); Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 100; Иванов А. А. Последние защитники монархии. С. 57.

³ Там же.

⁴ Переписка Николая и Александры Романовых (1914–1916). М.–Л., 1927–1928. Т. IV. С. 279–280.

блиотека и пох<одная> аптека, с кот<орыми> он разъезжает по фронтам»¹. Отметим, что, помимо участия в санитарном деле, именно после военных неудач весны-лета 1915 гг. лидер РНСМА потребовал усиления власти для успешной борьбы с революцией и на фронте.

Современный исследователь А. А. Иванов, детально изучивший биографию Пуришкевича, дал следующую весьма справедливую характеристику деятельности политика на театре военных действий: «Разразившаяся война существенно изменила расхожее о Пуришкевиче мнение. Она открыла в нем такие черты и качества, которые заставили взглянуть на Пуришкевича с принципиально иного ракурса. <...> Патриотический порыв проявился у Пуришкевича с такой неистовой силой, что все остальные свойственные ему страсти отошли на задний план. В жертву патриотизму Пуришкевич принес все, чем располагал: свои политические симпатии, личные предубеждения и даже славу, отказавшись на время войны от всякой политической деятельности во имя деятельного служения Отечеству на фронте. <...> Пуришкевича буквально заваливали письмами с просьбами принять в свой отряд, газеты, преимущественно консервативные, пели ему дифирамбы, солдаты и офицеры искренне благодарили. Пуришкевич талантливо и самозабвенно отдавался новой для него деятельности, проявив недюжий талант организатора. <...> Но едва ли верно было бы полагать, что патриотизм Пуришкевича “появился” исключительно в связи с войной. Патриотизм был присущ ему всегда, являясь его жизненным credo, но, выражаясь в триаде “самодержавие, православие, отечество” (слова девиза Союза Михаила Архангела), был очевиден и понятен, как таковой, лишь для его консервативно мыслящих единомышленников. Война только доказала искренность патриотического чувства у Пуришкевича, его готовность доказать слова делом»².

¹ Дневники Императора Николая II. С. 590.

² Иванов А. А. «Он был лучше своей репутации...» Владимир Пуришкевич глазами современников: штрихи к портрету политического деятеля // Клио. 2004. № 2 (25). С. 229.

С выводами А. А. Иванова невозможно не согласиться. Пламенные патриотические чувства Пуришкевича признавали даже его политические противники. В частности, как признавался впоследствии известный либеральный политик, депутат II, III и IV Государственных дум **В. А. Маклаков**, «война обнаружила его <В. М. Пуришкевича. – Д. С.> основную черту; ею была не ненависть к конституции или Думе, а пламенный патриотизм»¹.

Современники Пуришкевича были поражены его горячей энергией и преданностью тому делу, за которое он тогда взялся. «Никто достать не может <Медикаменты, которых не хватало даже в столице. – Д. С.>, а он достает. На то он и Пуришкевич...» – смеялись офицеры². А зять видного русского историка С. Ф. Платонова Б. Краевич отмечал, что был «страшно доволен», что ему удалось перевестись в отряд к «генералу», как в шутку называли Пуришкевича в отряде, отмечая, что дело у лидера РНСМА организовано на самом высоком уровне³. Слово «Пуришкевич» в русской армии сделалось нарицательным именем, – писал побывавший на позициях корреспондент газеты «Бессарабия», – и чтобы указать хорошую постановку какого-либо дела, обыкновенно говорят: «как у Пуришкевича»⁴.

А вот что писал современник событий, гвардии полковник **Ф. В. Винберг**, находившийся в то время на фронте: «С объявлением войны Владимир Митрофанович, в горячем, как всегда у него бывает, порыве своего патриотического чувства, весь отдался своей энергичной, самоотверженной, высоко плодотворной деятельности <...> Он кипел как в котле, отдав весь свой крупный организаторский и административный талант,

---

¹ Маклаков В. А. Вторая Государственная Дума (Воспоминания современника). London, 1991. С. 194.

² Новое время. 1917. 4 (17) января.

³ Иванов А. А. Патриотическая деятельность В. М. Пуришкевича в годы I мировой войны // Герценовские чтения 2002. Актуальные проблемы социальных наук. Сборник научных статей. СПб., 2002. С. 83.

⁴ Бессарабия. 1916. 14 декабря.

все свои силы, все помыслы святому делу войны. Я видел его питательные пункты, его поезда, где так радушно встречали его милые сестры милосердия, где так уютно угощали и давали отдохнуть и от однообразия, и от трудов походной и боевой жизни. Всюду, как офицеры, так и нижние чины, с горячей благодарностью отзывались о помощи, доставляемой Пуришкевичем и его образцовыми отрядами»¹.

Следует отметить, что иногда даже категорические политические противники Пуришкевича, левые, видя, с какой неутомимой энергией лидер РНСМА взялся за военно-санитарное дело, меняли отношение к нему в лучшую сторону. В частности, известный социалист-революционер Н. Д. Авксентьев, вместе с Пуришкевичем отбывавший тюремное заключение при большевиках, позже признавался: «Мы были с ним политическими антиподами, и никогда ничто общее нас с ним не связывало и не могло связывать, но <...> он, – руководитель черной сотни – был психологически мне ближе, чем все те – даже радикальные политики, которые в борьбе с большевизмом <...> жертвуют интересами России»².

Отметим также, что и весьма многочисленные соратники В. М. Пуришкевича также приложили все силы для помощи фронту. Так, созданное еще в начале 1914 г. с подачи лидера РНСМА Всероссийское Филаретовское общество народного образования с началом войны приостановило свою просветительскую деятельность и начало активно оказывать помощь семьям призванных в армию, убитых или раненых на фронте учителей. Находившийся под покровительством Императрицы Александры Федоровны Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, отпустил на деятельность Филаретовского общества 50 000 рублей³.

Рассмотрим также некоторые обстоятельства, связанные с деятельностью Общества государственной карты, которое

¹ Винберг Ф. В. В плену у «обезьян» (Записки «контрреволюционера»). Киев, 1918. С. 15.

² Авксентьев Н. *Patriotica* // Современные записки (Париж). 1920. Кн. 1. С. 132.

³ Вестник Русского собрания. 1915. 1 июня (№ 16).

было создано В. М. Пуришкевичем в годы Первой мировой войны¹. Также коснемся и деятельности двух других обществ, созданных лидером РНСМА, – Общества чешско-славянского единения и Славянского содружества для развития земледелия, ремесла и промышленности.

Общество русской государственной карты, согласно пункту 1 Устава, имело целью «выработку основных положений, на которых Россия, после победоносной войны, могла заключить мир, осуществляющий ее исторические, национальные, государственные и славянские задачи. В сих видах общество имеет право в соответствующих, указанных целями общества, случаях входить с ходатайствами и представлениями в правительственные и общественные учреждения»².

Согласно пункту 8 Устава, заведовали обществом Общее Собрание и Главный Совет, который избирался Общим Собранием на три года в составе 24 членов. Общее Собрание ежегодно избирало из своей среды поверочный отдел из трех членов и двух заместителей для проверки отчетности. Общее собрание обязательно должно было собираться два раза в год (пункт 9 Устава)³.

Общество русской государственной карты было организовано в октябре 1916 г., его Устав был подписан директором Департамента общих дел МВД в должности егермейстера П. П. Стремоуховым, однако сам премьер Б. В. Штюрмер отказывался подписать документ, предпочитая обращаться по территориальному вопросу к известному историку, публицисту и правому общественному деятелю Д. И. Иловайскому. Отметим, что это вызвало, в свою очередь, еще более неприязненное отношение со стороны Пуришкевича к Штюрмеру и так называемым «распутинцам» (то есть к тем членам правительства, которые, как считал Пуришкевич, заняли свои высокие посты

---

¹ Подробнее о деятельности этого общества см.: Иванов А. А. В. М. Пуришкевич и «Общество русской государственной карты» // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. №1 (5). С. 158–163.

² ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 698. Л. 1.

³ Там же. Л. 4.

с подачи Григория Ефимовича) в целом, которое и до этого у Пуришкевича было резко отрицательным. Этот фактор, как представляется, был одним из тех, которые подтолкнули лидера РСМА к участию в убийстве Г. Е. Распутина¹.

Целями Общества чешско-славянского единения, согласно его Уставу (пункт 1), были:

а). Объединение всех славян путем развития учений и качеств великих славян всех веков: святых Кирилла и Мефодия, Гуса, Жижки, Коменского, Минина, Пожарского, Хомякова, Аксакова, гр. Игнатьева, Скобелева, Мицкевича, Богуславного (автора «Истории славян»), Николая Пашича, Радко Дмитриева и Крамаржа;

б). Развитие сознания среди славян о кровном родстве <...>;

в). Стремление к взаимному сближению существующих славянских языков;

г). Развитие самостоятельности и предприимчивости среди славян;

д). Свободное развитие трудолюбия, чувства братства и человеколюбия;

е). Содействие расследованию славянской истории;

ж). Содействие восстановлению сокольского воспитания среди славян, во всей чистоте духа и стремлении его славянских основателей;

з). Конечной задачей общество ставит себе полное освобождение славянского мира от вражеского и вообще чужого засилья»².

Структура Общества чешско-славянского единения в общих чертах повторяла структуру Общества русской государственной карты. Руководящими органами общества становились Общее Собрание и Правление, причем Общее Собрание созывалось Правлением³.

¹ Иванов А. <А.>, Степанов А. <Д.> Пуришкевич В. М. // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 428.

² ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 698. Л. 18.

³ Там же. Л. 19.

«Славянское содружество для развития земледелия, ремесла и промышленности» создавалось с целью поднятия сельского хозяйства славянских народов. Задача содружества заключалась в том, чтобы «объединить в торгово-промышленном предприятии всех убежденных славян с целью: 1) удовлетворить потребности земледелия, ремесла и промышленности и 2) бороться с немецким засильем в области народного труда»¹. В Уставе содружества подчеркивалось, что «особенное внимание Славянское содружество будет уделять первоисточнику народного здоровья, богатства и государственного могущества – земледелию, а в первую очередь насущному вопросу широкого применения туков – вопросу, стоящему на очереди уже целое столетие»².

Отметим, что произошедшая вскоре после создания перечисленных организаций Февральская революция не дала возможности в полной мере этим обществам развернуть активную деятельность. Правда, даже летом 1917 г. Пуришкевич «пытался привлечь в свое “Общество Русской государственной карты” офицеров, встречался с Л. Г. Корниловым и А. И. Деникиным, но те не захотели иметь с ним дела»³.

Особый и крайне важный вопрос, который мы не можем обойти вниманием, – это постепенный фактический переход Пуришкевича в стан думской оппозиции, ярко выраженное движение правого политика влево, наблюдавшееся в период Первой мировой войны и вплоть до Февральского переворота 1917 года. Если говорить о причинах столь ярко выраженного демарша Владимира Митрофановича, то их было множество. В частности, следует отметить тот факт, что Владимир Митрофанович всегда оставался политиком-прагматиком, движимым конкретными политическими соображениями того или иного исторического периода, а также искал себе дешевой популярности. Именно в этой связи следует рассматривать,

---

¹ Там же. Л. 20.

² Там же. Л. 21.

³ Иванов А. <А.>., Степанов А. <Д.> Пуришкевич В. М. // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 429.

в частности, резкий переход Владимира Митрофановича из лагеря сторонников сближения с Германией в ряды ярых англофилов (естественным образом резко изменилась политическая ситуация в связи с началом Первой мировой войны).

Исследователь А. А. Иванов в этой связи особо отмечает, что «патриотизм <...> был для Пуришкевича более значимым, нежели консерватизм и монархизм»¹. Но, как учит нас история, патриотизм без монархической идеи по своей сути ущербен. «Патриотами», к примеру, считали себя кровожадные убийцы, выпестованные масонскими ложами французские революционеры-санкюлоты; «патриотами», заботящимися о своей нации, считали себя и германские национал-социалисты во главе с Адольфом Гитлером. Что же касается Пуришкевича, он в итоге, даже толком не отдавая себе отчет в том, что происходит, движимый импульсивными порывами, сам того не осознавая, стал игрушкой в руках либеральных сил, ставивших перед собой далеко идущие планы низвержения в России монархического строя, погружения великой страны в пучину смуты, хаоса и анархии.

Закономерным итогом такой резкой смены политического курса влево, предпринятой В. М. Пуришкевичем, явилось его выступление 19 ноября 1916 г. в стенах Государственной думы, в Таврическом дворце, в котором он фактически поддержал речь ранее выступавшего лидера кадетов П. Н. Милюкова, который яростно критиковал правительство, прямо обвиняя главу кабинета в измене и подготовке сепаратного мира с Германией, обрушивался на группу лиц, окружавших Императрицу Александру Федоровну. Обвиняя кабинет в бездарной политике, лидер кадетов по несколько раз повторял с думской кафедры один и тот же вопрос: «Глупость или измена?»²

¹ Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. С. 402.

² «Нет, господа, воля ваша, уже слишком много глупости. Как будто трудно объяснить все это только глупостью», – подчеркнул в конце своей речи Милюков. – Спиридович А. И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 393.

Несмотря на то что обвинения Милюкова в адрес власти не имели под собой абсолютно никакой доказательной базы, что впоследствии и подтвердили выводы, сделанные Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, тем не менее Пуришкевич в унисон Милюкову также заявил о «подлецах в шитых золотом мундирах», которые, по его словам, совсем не олицетворяют монархические идеалы, а, напротив, дискредитируют их¹.

Также в своей речи 19 ноября 1916 г. Пуришкевич обвинил правительство в том, что оно «сверху донизу болело и болеет болезнью воли»², обличал бессистемность в действиях власти, полагая, что в стране существует только одна система – «система тыловой разрухи»³. Лидер РНСМА намекнул на возможную измену верхов, так называемой «камарильи», которую бичевал в лице влиятельных лиц (которые почти все являлись к тому же убежденными правыми) – дворцового коменданта генерала В. Н. Воейкова, графа А. А. Бобринского, А. Д. Протопопова, Б. В. Штюмерера и др. Главный удар Пуришкевич нанес по Г. Е. Распутину, полагая, что все «зло» в России исходит от «темных сил», во главе которых стоит старец. В конце своей речи лидер РНСМА призвал избавить страну от «хлыста» (Пуришкевич разделял широко распространенную и растиражированную либеральными пропагандистами версию, опровергнутую, однако, серьезными исследователями-сектоведами, о принадлежности Г. Е. Распутина к секте хлыстов) и от «распутинцев больших и малых»⁴. Помимо прочего, оратор обрушился на Особый комитет по борьбе с немецким засильем и на его председателя А. С. Стишинского с обвинениями в полном бездействии.

Вполне естественно, что Пуришкевичу после его разоблачительной речи бурно аплодировали как левые, так и ли-

---

¹ <Степанов С. А.> В. М. Пуришкевич // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 335.

² Государственная Дума. Созыв IV. Сессия V. Пг., 1916. Стлб.262.

³ Там же. Стлб.266.

⁴ Там же. Стлб.287.

бералы и даже умеренно-правые. Даже либеральный философ Е. Н. Трубецкой, ранее называвший Пуришкевича «черносотенцем» (естественно, употребляя этот термин исключительно в негативном смысле), поспешил «простить ему очень многое» и пожать ему руку¹.

Говоря об особенностях речи Пуришкевича, современный исследователь И. Г. Соболев выразил мнение, что «в целом речь была выдержана в традиционном для черносотенцев истерично-демагогическом духе и содержала прямые выпады лично против А. С. Стишинского как чуть ли не главного пособника лиц, стремящихся укрыть “немцев” от “ответственности”»². Думается, что это наблюдение историка в целом верное, за исключением его пассажа о «традиционном для черносотенцев <Выделено мною. – Д. С.> истерично-демагогическом духе» (как будто бы думские либералы или социал-демократы не занимались демагогией?!). При этом исследователь приводит факты, связанные с тем, что сам «многоопытный А. С. Стишинский, являвшийся на политической сцене России фигурой не менее одиозной, чем сам Пуришкевич, в свою очередь, не остался в долгу, решив использовать столь удобный случай для демонстрации перед “общественностью” своих заслуг на поприще борьбы с “германизмом”, что и сделал 22 ноября 1916 г., направив председателю Государственной Думы М. В. Родзянко письмо с подробным их перечислением»³. При этом копии письма были препровождены им также в «Правительственный вестник» и в «Новое время»⁴.

И. Г. Соболев замечает, что обвинения Пуришкевича в адрес Особого комитета абсолютно не соответствовали истине, так как из рассмотренных ведомством к концу 1916 г.

¹ См.: Кожин В. В. «Черносотенцы» и Революция. М., 1998. С. 81.

² Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. С. 98; Государственная Дума. Созыв IV. Сессия V. Стлб. 277–278.

³ Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем»... С. 98.

⁴ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–19 об.

630 прошений лиц немецкого происхождения, искавших защиты от несправедливых, как они считали, действий местной администрации по ликвидации в России немецкого землевладения, «заслуживающими уважения» были сочтены только 17, а 613 отклонены по тем или иным причинам¹. Между тем Пуришкевич, выступая в Думе, утверждал, что Особый комитет стремится всеми силами удовлетворять «немецкие ходатайства». «Правительство, Особый комитет по борьбе с немецким засильем, а в особенности местная администрация и военные власти относились к “русским немцам” с большой подозрительностью и даже враждебностью, не желая идти по отношению к ним ни на малейшие уступки», – отмечает в этой связи И. Г. Соболев².

Историк А. А. Иванов, комментируя речь Владимира Митрофановича, также отмечает, что «многие обвинения Пуришкевича высших государственных лиц в измене голословны», однако «прав Пуришкевич был <...> лишь в одном – Россия двигалась к революционному катаклизму»³. Вместе с тем, отмечает исследователь, лидер РНСМА, в годы войны занимаясь санитарной деятельностью на фронте, видел многочисленные нарушения, злоупотребления и полный развал управления в стране, полагая, что все дело либо в преступном бездействии властей, либо в прямой измене⁴.

Впрочем, как резонно замечает А. А. Иванов, у Пуришкевича были и другие причины для беспокойства, причины личного характера. Незадолго до его выступления в Думе немецкие войска оккупировали территорию ранее вступившей на сторону Антанты Румынии и начали вторжение в Бессарабию. В результате лидер РНСМА лишился своих бессарабских имений. В такой ситуации он еще острее почувствовал необходимость продолжения войны до победного конца и

---

¹ Там же. Д. 16. Л. 11–11 об.

² Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем»... С. 99.

³ Иванов А. А. Последние защитники монархии. С. 132.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1154 (Телеграммы В. М. Пуришкевича М. В. Родзянко по поводу состояния российских железных дорог).

стал еще активнее бороться против тех, кто, как полагал он, замышлял сепаратный мир¹.

Неожиданный демарш В. М. Пуришкевича, по мнению А. А. Иванова, на самом деле абсолютно неожиданным не был, так как объяснялся тем, что к 1916 г. крайне правым лидер РНСМА уже фактически не являлся. При этом исследователь особо подчеркивает, что отношение Пуришкевича к последнему русскому Императору «было далеко от верноподданнического». «Монархизм как идеальный принцип явно вступал у Пуришкевича в конфликт с реальным его воплощением. Император Николай II определенно *не устраивал* <Выделено А. А. Ивановым. – Д. С.> монархиста Пуришкевича как Самодержец, в его глазах Царь не соответствовал своему призванию. Защищая монархический принцип, он не испытывал никакой симпатии (не говоря уже о любви) к последнему Царю, которого в 1917 г. стал публично провозглашать “слабовольным”»². Лидера РНСМА глубоко возмущало, что Царь якобы «подпал совершенно под влияние своей жены, отдав бразды правления над великой Россией и над своим народом Змею Горынычу, – роковой для России женщине, супруге своей Александре Федоровне»³. Также Пуришкевича коробило и то, что попытки раскрыть Императору глаза со стороны «вернейших и честнейших слуг» Царь воспринимал как бестактное вмешательство в его семейную жизнь.

¹ Иванов А. А. Последние защитники монархии. С. 134.

² Иванов А. А. «Первый выстрел революции». В. М. Пуришкевич и свержение Императора Николая II // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2010. С. 12. Если другие правые (например, Б. В. Никольский) позволяли себе резко критиковать Императора Николая II исключительно в непубличной форме («...Несчастный вырождающийся Царь, с его ничтожным, мелким и жалким характером, совершенно глупый и безвольный, не ведая, что творит, губит Россию. Не будь я монархистом – о, Господи! Но отчаяться в человеке для меня не значит отчаяться в принципе», – писал в дневнике Б. В. Никольский. – РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 4 б (по новой нумерации Д. 1). Л. 241 об.), то В. М. Пуришкевич, пожалуй, первым из правых перешагнул некую грань допустимого и обрушился на Императора публично.

³ Пуришкевич В. М. Дневник // Последние дни Распутина. М., 2005. С. 67, 94.

Под фразой «раскрыть Императору глаза» нужно понимать прежде всего стремление лидера РНСМА продемонстрировать Николаю II «преступную», как он считал, роль Г. Е. Распутина. Когда же это так и не удалось сделать, Пуришкевич оказался втянутым в темную авантюру – принял участие в убийстве Григория Ефимовича. Рассуждая о причинах того, почему Пуришкевич принял участие в этом страшном злодеянии (причем оно произошло вскоре после его знаменитой речи в Думе), А. А. Иванов справедливо полагает, что лидером РНСМА в этом случае не могли двигать чисто материальные побуждения, то есть стяжание каких-либо материальных благ. Между тем одной из главных причин участия Пуришкевича в криминальной аванюре Иванов видит желание лидера РНСМА получить дешевую популярность и славу «спасителя Отечества» от «темной силы»¹. Правда, в результате «спасителем России» он так и не стал, хотя и вошел в историю.

Само собой разумеется, что выступление одного из виднейших лидеров правых вызвало смятение, тревогу и недоумение в стане монархистов. В частности, мы уже подробно писали о речи Н. Е. Маркова в Думе 22 ноября 1916 г., в которой он подверг резкой критике позицию Пуришкевича. Кроме того, решительно отмежевались от лидера РНСМА оба Союза Русского Народа – «марковский» и «дубровинский». Главный Совет «обновленческого» СРН заявил, что лидер РНСМА перестал быть монархистом, и предписал своим низовым структурам исключить его из своего состава как «революционера»². Правда, некоторые местные отделы СРН отреагировали на речь лидера РНСМА вполне восторженно. Так, секретарь одного из отделов СРН Я. Д. Скворцов писал Пуришкевичу: «Вы выска-

---

¹ Иванов А. А. «Первый выстрел революции». В. М. Пуришкевич и свержение Императора Николая II // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2010. С. 7.

² Иванов А. А., Степанов А. Д. Пуришкевич Владимир Митрофанович // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 414; Иванов А. А. «Первый выстрел революции». В. М. Пуришкевич и свержение Императора Николая II // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2010. С. 14.

зали то, чего от вас ждала вся Россия, и мы к вашему голосу прислушаемся. <...> Вы своей речью как бы рассеяли туман в поле»¹. Но подобных мнений было очень мало.

Крайне правая «Гроза» откровенно назвала лидера РНСМА «агентом германских шпионов», подчеркивала его «левые» взгляды, которые, по мнению обозревателя «Грозы», Пуришкевич всегда тайно исповедовал, и даже назвала слывшего до сей поры антисемитом Владимира Митрофановича «жидохвостом»².

Не стеснялись в выражениях по адресу Пуришкевича и многие рядовые члены ВДСРН, которые считали, что лидер РНСМА в последнее время сильно полевел. Так, 5 декабря 1916 г. датировано письмо от не установленного лица к А. И. Дубровину с критикой деятельности П. Н. Милюкова и его «друга» В. М. Пуришкевича³.

Поведение Пуришкевича накануне революции возмущало и других правых, в том числе и некоторых правительственных чиновников, придерживавшихся правых убеждений. Впоследствии, уже в эмиграции, П. Г. Курлов отмечал, что лидер РНСМА осмелился клеветать не только на Г. Е. Распутина, но и на Императрицу Александру Федоровну, позволяя себе «инсинуации на Императрицу»⁴.

В отличие от СРН и ВДСРН, совершенно противоположную позицию, как и следовало ожидать, занял РНСМА. Так, сразу после «исторической речи» Пуришкевича Главная палата этого Союза большинством голосов поддержала выступление своего лидера. Члены Союза Михаила Архангела сочли, что Пуришкевич нисколько не отступил от программы монархистов, а, наоборот, сказав всю «правду» в глаза, способствовал увеличению престижа правых в обществе⁵. Глав-

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1219; Правые в 1915 – феврале 1917... // Минувшее. М.–СПб., 1993. Т. 14. С. 209.

² Гроза. 1916. 22 ноября, 30 декабря.

³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 624. Л. 110–111 об.

⁴ Курлов П. Г. Гибель Императорской России. М., 1991. С. 28.

⁵ Правые партии. Т. 2. С. 599; «Борьба наша проиграна»... // Исторический архив. 1999. № 5. С. 72–75.

ная палата РНСМА высказала в этой связи следующее мнение: «В том, что свободный, независимый монархизм откололся от монархизма министерского, мы не видим ничего тревожного и опасного для монархической программы. Совершенно напротив, это делает монархическую идею в обществе более жизнеспособной и деятельной»¹.

Отметим также, что памятное выступление В. М. Пуришкевича и в особенности его последующее участие в убийстве Г. Е. Распутина способствовало появлению всевозможных, зачастую совершенно невероятных слухов, связанных с дальнейшими планами лидера РНСМА. В частности, в Петрограде активно муссировались слухи о том, что Пуришкевич стал руководителем некоей «национальной партии», которая намечалась путем дворцового переворота «спасти Россию от революции и позорного мира»². Впоследствии член ЧСК Временного правительства Р. Р. фон Раупах вспоминал, что накануне Февральской революции «Союз Михаила Архангела в лице Пуришкевича стал в открытую оппозицию <...>, по-видимому, подготавливая почву для дворцового переворота»³.

Рассмотрим вкратце вопрос, связанный с участием Пуришкевича в убийстве Г. Е. Распутина. Отметим, что до сих пор все обстоятельства страшного злодеяния, совершенного в ночь на 17 декабря (ст. ст.) 1916 г., до конца не ясны. Сам Пуришкевич в дневнике во многом специально искажил истинные факты, стремясь представить себя своеобразным «героем», избавителем России от «временщика» Распутина. На самом же деле, как отмечает А. А. Иванов, Владимир Митрофанович, скорее всего, не был непосредственным убийцей Григория

¹ Земщина. 1916. 17 декабря; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России... С. 275.

² Иванов А. А., Степанов А. Д. Пуришкевич Владимир Митрофанович // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 414; Иванов А. А. «Первый выстрел революции». В. М. Пуришкевич и свержение Императора Николая II // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2010. С. 14.

³ Раупах Р. Р., фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего): Воспоминания члена ЧСК 1917 года / Ред. и коммент С. А. Маньков. СПб., 2007. С. 175.

Ефимовича, хотя, заметим, это утверждение является по своей сути гипотетическим и, при наличии имеющихся в нашем распоряжении источников, вообще не может быть доказано. Смысл участия Пуришкевича в убийстве Распутина заключался, по словам А. А. Иванова, не в желании попытаться укрепить «основы шатавшегося трона Императора Николая II», как традиционно полагают многие историки, а в желании осуществить «“бархатный” дворцовый переворот». И, таким образом, правый политик фактически принял участие в революционном акте¹. Авантюрист по натуре, Пуришкевич, как говорится, увлекся идеей, наивно полагая, что именно в Распутине состоит корень всех зол и бед, обрушившихся на Россию. Позже, уже в годы Гражданской войны, с точно таким же пылом правый политик начал вынашивать идею убийства являвшегося в то время министром внешних сношений крымского «Краевого правительства», ориентированного на страны Антанты, кадета М. М. Винавера².

Также следует отметить, что уже многие современники В. М. Пуришкевича намекали на факт его участия в свое время, еще в 1907 г., в организации убийства кадета Я. М. Герценштейна. Об этом убийстве мы подробно уже говорили в главе, посвященной А. И. Дубровину. Приведем лишь один красноречивый пример. В Дубровинском фонде Государственного архива Российской Федерации сохранилось послание неустановленного лица и, к сожалению, не датированное, в котором корреспондент Дубровина пишет про то, как к нему на квартиру зашел однажды лидер тульских черносотенцев Владимир Петрович Рознатовский <В тексте письма – Разнатовский. – Д. С.>. Рознатовский тогда заявил, что слышал от сведущих лиц о том, что «враги Царя» хотят вновь возвести обвинения против главы СРН в «убийстве жида Герценштейна», что главным обвинителем в этом деле стал некий «Прохожий». В связи с этим сам Рознатовский изъявил

¹ Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. С. 403.

² Там же. С. 393.

желание, пока он еще жив, хотя и слеп, дать «правдивое показание» об убийстве Герценштейна, о том, что оружие для совершения этого убийства было тогда передано одним из соратников Владимира Митрофановича – В. В. Казариновым – по поручению Пуришкевича. По словам автора письма, Рознатовский ранее из боязни молчал об этом, но теперь, желая объявить правду и учитывая свой преклонный возраст, готов дать свое показание под присягой. Вследствие своей слепоты он заявил, что сам ехать в Петроград не может, однако готов рассказать обо всем местному следователю¹. Таким образом, автор письма к А. И. Дубровину и В. П. Рознатовский выдвигают версию об участии Пуришкевича в организации убийства М. Я. Герценштейна, отстаивая тезис о полной невиновности самого Дубровина в этом преступлении. Так что, по всей вероятности, участие в политических убийствах (в данном случае Распутина) для Владимира Митрофановича было делом совсем не новым.

В решении Пуришкевича принять участие в убийстве Распутина, как подчеркивает А. А. Иванов, сыграла свою роль и его давняя личная неприязнь к другу Царской семьи. И в этом отношении лидер Союза Михаила Архангела был, к сожалению, не одинок. Многие правые политики, например генерал Е. В. Богданович и приват-доцент Б. В. Никольский (кстати, последний по многим политическим вопросам отнюдь не являлся сторонником Пуришкевича, а наоборот, являлся активным сторонником А. И. Дубровина), тем или иным образом выражали неприязнь по отношению к Григорию Ефимовичу, верили всевозможным слухам и сплетням, распространявшимся либеральной и левой пропагандой с целью дискредитации личности Распутина, не понимали истинной роли друга Царской семьи при Императорском дворе.

Для того чтобы глубже понять, какими соображениями руководствовался В. М. Пуришкевич, участвуя в убийстве Распутина, обратимся также к цитате (уже частично приводившейся выше) из хранящихся в архивном фонде Дома русского

¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 808. Л. 62–62 об.

зарубежья им. А. И. Солженицына воспоминаний его бывшего соратника по Союзу Михаила Архангела Ю. С. Карцова, который вынес о своем бывшем партийном лидере такое заключительное суждение-эпитафию: «Совершенно искренно желал он подавить революцию и спасти монархию. Но воля ему изменила, и намерения его разошлись с действиями. Примкнув к распространившемуся в армии революционному движению, выступил он обличителем и гонителем Царя и его приближенных. Обагрив руки в крови Распутина, вообразая – <что> он ее спасает, нанес он монархии решительный удар. Вместо того, чтобы тушить пожар, подлив в него масла, разжег он его еще больше. <...> Богато одаренный, не расцвел он, не принес плода, и воспоминание о нем неразрывно у меня связано с чувством глубокого разочарования. <...> Стойкостью убеждений он не отличался и гнулся на обе стороны: перед властью и перед общественным мнением. Деятельность его была шумлива, поверхностна и бесплодна. России он не спас, а, наоборот, толкнул ее в пропасть»¹. Конечно, высказывание Карцова весьма категоричное и жесткое по своей сути, но, думается, в целом отражает истинное положение вещей.

Безусловно, особый интерес вызывает проблема отношения Пуришкевича к февральским событиям 1917 года. Советские историки и многие их последователи в постсоветское время традиционно представляли Владимира Митрофановича убежденным контрреволюционером (именно в этот исторический период, то есть в первой половине 1917 года), категорически не принимавшим буржуазной революции. Однако, как видно из тогдашних речей и печатных публикаций самого Пуришкевича, в начале 1917 г. он принял революцию и прославлял Временное правительство.

Отметим, что его политические взгляды после февраля 1917 г. еще заметнее, чем в конце 1916 г., сместились влево. Так, в начале апреля 1917 г. в открытом письме к большеви-

¹ Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. С. 397; Архив Дома Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына. Ф. 1. Ед. хр. М-76 (1). Л. 259–260, 313.

кам бывший лидер РНСМА не преминул со свойственным ему пафосом заявить: «Я один из первых глашатаев свободы и в ночь на 17-е декабря доказал это словом и делом в те дни, когда старая власть была сильна и когда в борьбе с нею можно было пасть и погибнуть»¹. Позже, уже в мае того же года, выступая перед офицерами, Пуришкевич хотя и заявил, что как был, так и остается монархистом, тем не менее, поскольку он «своим выстрелом в Распутина положил первый камень для созидания новой России»², не может быть заподозрен в стремлении реставрировать монархический строй. Отметим, что в этот исторический период Пуришкевич не просто прославлял Временное правительство, но даже опубликовал открытое письмо русскому обществу «Вперед! Под двухцветным флагом», рассчитывая, что его заслуги перед революцией будут оценены³.

Впоследствии, уже в декабре 1917 г., в своей речи перед Революционным трибуналом Пуришкевич вновь, по сути дела, повторил сходные мысли, полагая, что с отстранением Николая II от Престола можно было изменить ситуацию в стране в лучшую сторону: «27-го февраля мы могли стать гражданами, могли возродиться»⁴.

Неприятие Пуришкевичем личности Николая II подчеркивалось и в других его заявлениях: «Мы произвели тот переворот, который дал первые лучи свободы, заблестевшей

---

¹ Иванов А. А. «Первый выстрел революции». В. М. Пуришкевич и свержение Императора Николая II // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2010. С. 16; ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 248. Л. 2.

² Иванов А. А. «Первый выстрел революции». В. М. Пуришкевич и свержение Императора Николая II // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2010. С. 16; ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 6. Л. 40–40 об.

³ Степанов А. Д. Пуришкевич Владимир Митрофанович // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М., 2003. С. 606; Иванов А. А. «Он был лучше своей репутации...». Владимир Пуришкевич глазами современников: штрихи к портрету политического деятеля // Клио. Журнал для ученых. 2004. № 2 (25). С. 230.

⁴ «27-го февраля мы могли стать гражданами...» Тюремные записи В. М. Пуришкевича. Декабрь 1917 – март 1918 г. / Публ. И. С. Розенталь // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 134.

27 февраля»¹. В одной из своих тогдашних брошюр Пуришкевич подробно развивал свою мысль: «Из нашей среды вышли благородные глашатаи действительной русской свободы – славная плеяда декабристов, принявшая мученический венец во имя правды и свободы, и мы сейчас, в том законодательном учреждении России, которое признавалось вами очагом застоя и рутины, подняли *первые* <Здесь и далее выделено В. М. Пуришкевичем. – Д. С.> действительное знамя свободы, став ее *первыми* глашатаями во имя любви к своему народу, угнетенному бесправием и самовластием полицейско-бюрократических сил, толкавших Россию на антинациональные пути в последние годы царствования Императора Николая II – Слабовольного. <...> Русскую революцию сделали не пролетарии всех стран, соединившиеся против своих правительств, а весь русский народ, все его классы, все его сословия с дворянством во главе, во имя победы национальной, а не интернациональной идеи»². Анализируя содержание этого отрывка из брошюры Пуришкевича, мы неизбежно приходим к выводу, что он во имя идей национализма, которые сам политик со свойственным пафосом охарактеризовал как «любовь к своему народу», пожертвовал традиционной черносотенной идеей монархизма, в итоге вообще практически полностью отвергнув ее к концу 1916 – началу 1917 гг. Хотя, отдадим бывшему лидеру РНСМА должное, уже с лета 1917 г. он стал постепенно возвращаться к контрреволюционным воззрениям.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что подобные антимонархические по своей сути воззрения в начале 1917 года проповедовал не один Пуришкевич, но и многие другие вчерашние монархисты. К примеру, считавший себя ранее убежденным монархистом националист М. О. Меньшиков в статьях, опубликованных в «Новом времени» после февраля 1917 года, писал буквально следующее: «Трагедия

¹ Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной Думы / Под ред. А. К. Дрезена. М. – Л., 1932. С. 127.

² Там же. С. 21, 34.

монархии состояла в том, что, отобрав у народа его волю, его душу, – монархия сама не могла обнаружить ни воли, ни души, сколько-нибудь соответствующей огромной и стихийной жизни» – и призывал не жалеть «опозоренного, расслабленного, психически-гнилого» прошлого¹.

Отметим тем не менее, что Пуришкевич всюду, в публичных выступлениях и в печати, заявлял, что по-прежнему отстаивает монархические убеждения. И лишь ставя, как он полагал, блага России на первое место, учитывая мнение общества, отвергнувшего в большинстве своем монархию, Пуришкевич делал реверансы в сторону революции и даже пытался идти на сотрудничество с новой властью.

Вскоре после падения Самодержавия Пуришкевич возобновил политическую активность и даже смог создать подпольную монархическую организацию осенью 1917 г. Однако она была раскрыта большевиками, и Пуришкевич получил один год тюрьмы (плюс три – условно), но был вскоре (в мае 1918 г.) амнистирован. Позже он стал активным участником Белого движения. Он создал Всероссийскую народно-государственную партию (ВНГП), заявляя, что выступает за восстановление монархии в России. Однако, полагал политик, к власти должен прийти не Дом Романовых, а новая династия, избранная, как он выражался, свободным волеизъявлением народа.

Скончался Пуришкевич 11 (24) января 1920 года в Новороссийске от сыпного тифа. К сожалению, до настоящего времени в исторических исследованиях отсутствуют какие-либо упоминания о месте захоронения политика. Точно известно лишь, что Пуришкевич был похоронен 13 января (ст. ст.) 1920 года в Новороссийске². Однако совсем недавно, уже после того, как вышла в свет монография А. А. Иванова о Пуришкевиче, нами были получены некоторые сведения на сей

¹ Цит. по: Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России в контексте исторического процесса конца XIX – начала XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2006. С. 42.

² Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика. С. 398.

счет от кандидата исторических наук Светланы Георгиевны Божковой, которая на протяжении многих лет занимается историческим краеведением города Новороссийска и окрестностей. По ее данным, всех умерших от сыпного тифа хоронили в огромной братской могиле в Мефодиевке, недалеко от железнодорожного вокзала Новороссийска. При захоронении трупы обкладывали гашеной известью, дабы пресечь распространение опасных бактерий сыпного тифа. В братской могиле, по словам Божковой, могло быть похоронено несколько сотен человек, а, возможно, и более тысячи.

Помимо Пуришкевича, тогда же в этой могиле был похоронен и известный русский философ Е. Н. Трубецкой, умерший за день до кончины Владимира Митрофановича. Знаменитая русская балерина Матильда Кшесинская впоследствии, будучи в эмиграции, в своих воспоминаниях сообщает о том, что примерно в это же время в этой же братской могиле был похоронен умерший от сыпного тифа граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, сын графа Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова (1868–1897) и внук известного государственного и военного деятеля, наместника Кавказа графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова (1837–1916). Прочитируем сообщение о похоронах графа Воронцова-Дашкова-младшего из мемуаров Кшесинской: «Я как-то вышла в город и встретила печальную процессию. Хоронили молодого графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, умершего от сыпного тифа. На повозке лежал простой гроб, а за ним шла его красивая вдова, графиня Ирина, рожденная Лазарева. Убогость похорон и горе вдовы произвели на меня глубокое впечатление, которое до сих пор не изгладилось из моей памяти»¹.

Отметим, что в мемуарах Кшесинской точная дата кончины участника Белого движения, графа Воронцова-Дашкова-младшего не упоминается. Однако из других источников известно, что скончался он 22 января 1920 года, был женат на Ирине Петровне Родзянко (урожденной Лазаревой),

¹ Кшесинская М. Воспоминания. М., 1991. С. 217.

потомства не оставил¹. Пуришкевич скончался 24 января 1920 года; значит, он и граф Воронцов-Дашков (оба умерли от одной и той же болезни) действительно могли быть захоронены одновременно.

По словам С. Г. Божковой, на месте тифозной братской могилы в довоенные годы была ярмарка. В годы Великой Отечественной войны Новороссийск был практически полностью разрушен. В послевоенное время началось восстановление города. Территория бывшего тифозного кладбища частично была передана железной дороге. Сейчас часть этой территории (к северо-западу от здания железнодорожного вокзала) занимают железнодорожные пути и станционные строения. Неподалеку, у здания вокзала, находится кольцо 6-го троллейбуса. Кроме того, в районе бывшего тифозного захоронения (район, ограниченный нынешними улицами Жуковского и Элеваторной) находятся несколько ветхих домов, построенных в советское время.

Господь Бог не обделил Пуришкевича разными талантами (хотя далеко не все из них нашли нужное применение, а скорее наоборот). Владимир Митрофанович был незаурядным поэтом, фельетонистом, публицистом. К сожалению, его литературное и публицистическое наследие пока что остается недоступным широкому читателю, и остается надеяться, что в скором будущем хотя бы некоторые из его произведений будут переизданы. Пока что неоднократно переиздавался и активно цитировался лишь пресловутый дневник Пуришкевича, в котором политик описывает свое участие в убийстве Распутина², и его переиздание, естественно, преследовало строго определенные политические цели. Пришло наконец время для того, чтобы опубликовать то лучшее, что было создано Владимиром Митрофановичем в течение его жизни.

¹ Ссылка на электронный ресурс. Режим доступа: <http://ru.rodovid.org/wk/Запись:112571>.

² См.: Из дневника Пуришкевича. Убийство Распутина. Париж: Русское книгоиздательство «Я. Поволоцкий и К°», 1923; Дневник члена Государственной думы Владимира Митрофановича Пуришкевича. Рига. 1924; Дневник // Последние дни Распутина. М., 2005 и др.

В заключение, для лучшего понимания природы В. М. Пуришкевича как политика, хотелось бы обратиться к мнению одного из современных исследователей правоконсервативного движения В. Ю. Рылова, который рассматривает эту сложную и крайне противоречивую личность, проводя аналогии между тактикой лидера правых и политическим поведением В. И. Ленина. По его мнению, весьма новаторскому и оригинальному, Пуришкевич – это «несостоявшийся Ленин «справа»».

Вот что пишет сам В. Ю. Рылов, обосновывая свою точку зрения: «Что касается тактических приемов, то основным ленинским приемом политической борьбы была организация расколов внутри социал-демократии (Пуришкевич инициировал первый раскол в СРН, был причастен и ко второму), непримиримая вражда со своими союзниками и единомышленниками, ставка на создание иерархичной организации вождистского типа, участие в “темных делах” (весьма вероятно причастность Пуришкевича к убийству Герценштейна и Распутина), быстрое изменение собственных взглядов под воздействием внешних условий (вместо “революционной войны” – заключение сепаратного мира, переход к НЭПу Ленина, у Пуришкевича это выразилось в резких изменениях отношения к евреям, смене подчеркнутого “германофильства” на “англофильство”, а затем снова на “германофильство” и т.п.). Пуришкевич, по словам его первого биографа 1920-х гг. С. Б. Любоша, был **“реальным политиком”** <...>. Как и Ленин, быстро реагировал на меняющуюся ситуацию, нередко поступаясь принципами. Можно сказать, что Пуришкевич занял место и сыграл роль “несостоявшегося” Ленина “справа” в российской политике, первым использовал типичные для XX в. приемы политической борьбы»¹.

---

¹ Рылов В. Ю. Владимир Пуришкевич – несостоявшийся Ленин «справа» // Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2011/03/26/vladimir_purishkevich_nesostoyavshijsya_lenin_sprava/.